

3 110
446
484
484

Н. Ф. Сумцовъ.

ИЗЪ СКАЗАНІЙ О ПЧЕЛАХЪ

(по поводу соч. Glöck'a: „Die Symbolik der Bienen“).

— Изъ XVII кн. Этнографическаго Обзорія. —

— * * * * * —

МОСКВА.

Высочайше утвержд. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Петровка, д. Левенсонъ.
1893.

3599-68

Изъ сказаній о пчелахъ.

(По поводу соч. *Glöck'a*: „Die Symbolik der Bienen“).

Въ концѣ 1891 г. вышло обширное (въ 411 стр.) сочиненіе Глѣка „Die Symbolik der Bienen und ihrer Producte in Sage, Dichtung, Kultus, Kunst und Bräuchen der Völker“. Авторъ не ограничился этимъ широковѣщательнымъ заглавіемъ и добавилъ „für wissenschaftlich gebildete Imker sowie alle Freunde des klassischen Alterthums und einer ästhetischen Naturbetrachtung“. Уже одно длинное заглавіе порождаетъ нѣкоторыя сомнѣнія въ научной компетентности автора, и эти сомнѣнія при чтеніи книги переходятъ въ прямое убѣжденіе. Авторъ обнаружилъ нѣмецкое трудолюбіе; но въ сочиненіи нѣтъ того, что характеризуетъ нѣмецкую науку, нѣтъ научныхъ методологическихъ приѣмовъ излѣдованія и основательности въ построеніи выводовъ и заключеній. Мы имѣемъ въ лицѣ Глѣка любителя-пчеловода, который съ усердіемъ собиралъ всякаго рода свѣдѣнія о „liebe Bienen“ и собранный довольно обширный матеріалъ раздѣлилъ по случайнымъ и внѣшнимъ рубрикамъ. Въ результатѣ получилась объемистая книга, тяжеловѣсная для пчеловодовъ-практиковъ и легковѣсная для друзей эстетики и знатоковъ классической древности. Въ кннгѣ собрано много разнороднаго матеріала о повѣрьяхъ, связанныхъ съ пчелами, и о символикѣ пчель и пчеловодства.

Сочиненіе г. Глѣка распадается на три части: въ первой части (1—102 стр.) говорится „о символической природѣ пчель“. Здѣсь нашли мѣсто небольшія главы о пчелиномъ городѣ, о свадьбѣ пчель, о враждебныхъ имъ насѣкомыхъ и птицахъ. Сомнѣваемся, чтобы специалистъ-пчеловодъ нашелъ тутъ для себя что-либо интересное и поучительное, при существованіи обширной спеціальной литературы о пчеловодствѣ. Для Глѣка въ пчелиномъ царствѣ все символично: улей онъ считаетъ символомъ города, соты сравниваетъ съ городскими улицами и т. д.

Гораздо содержательнѣе и интереснѣе вторая часть, гдѣ говорится о символѣ пчель у индусовъ, египтянъ, евреевъ, маго-

метанъ, грековъ, римлянъ, германцевъ и славянъ (стр. 105—275). Здѣсь собрано довольно много историческихъ данныхъ символики пчелы для выраженія представленій о трудолюбіи, бережливости, храбрости, чистотѣ, невинности, поэзіи и любви. Лучшія страницы посвящены бугоніи, или сказаніямъ и повѣрьямъ о происхожденіи пчелъ изъ внутренпостей быка (128—143). Много полезнаго матеріала собрано также на стр. 230—272 для опредѣленія отраженія пчелы въ нѣмецкихъ повѣрьяхъ, пѣсняхъ и пословицахъ. Но и во второй части труда Глѣка съ одной стороны есть совсѣмъ лишнее, напр., общія историческія характеристики древнихъ народовъ, съ другой есть много недочетовъ и пробѣловъ, напр., совсѣмъ безъ вниманія оставлены древнія классическія повѣсти и басни. Въ научномъ отношеніи нельзя признать удачнымъ дѣленіе повѣрій по народностямъ. При такомъ дѣленіи трудно избѣжать повтореній.

Третья часть (275—411) состоитъ изъ приложеній, не имѣющихъ никакого отношенія къ символизму пчелы. Въ эту часть вошли 4-ая книга „Георгикъ“ Виргилія (текстъ, переводъ на нѣмецкій языкъ и примѣчанія), сатира Мандевилля „Басня о пчелахъ“ (текстъ и переводъ) и сочиненіе Bereslas: „Der Amsen-Immenkrieg“ (1840). Въ концѣ книги приложенъ фотографическій снимокъ съ картины Луки Кранаха „Амуръ и Психея“.

Глѣкъ не пользовался богатымъ фольклоромъ народовъ романскихъ и славянскихъ; народы монгольскіе, негрскіе и др. также совсѣмъ не затронуты. Онъ не пользовался и такимъ крупнымъ французскимъ трудомъ, какъ Faucher *populaire Poлянда*. Славянскимъ матеріаломъ Глѣку трудно было воспользоваться, такъ какъ этотъ матеріалъ чрезвычайно отрывоченъ и разбросанъ (польскія повѣрья о пчелѣ у *Густавича* въ *Zbiór wiadomości*, малорусскія у *Номиса*, *Чубинскаго*, сербскія у *Милчевича* и др.).

Не останавливаясь на мелкихъ сказаніяхъ и повѣрьяхъ о пчелѣ (въ сочиненіи Глѣка такихъ повѣрій и сказаній собрано много), мы остановимся подробно лишь на одномъ весьма любопытномъ, крупномъ, совсѣмъ не отмѣченномъ въ сочиненіи Глѣка сказаніи о пчелѣ или осѣ и ласточкѣ; это сказаніе распространено у азіатскихъ народовъ; слабая его отраженія находимъ у русскихъ славянъ.

Въ Малороссіи и въ Бѣлороссіи (*П. Ивановъ* въ „Харьк. Сборн.“ 1888, 97; *Драгом*. Малорус. преданія, 12; *Rulikowski* въ *Zbiór wiadom.* III, 102; *Melusine* 1888, 221; *Добровольскій* 287) записано краткое космогеническое сказаніе, что пчела просила Бога, чтобы умиралъ всякій человекъ, укушенный ею. Господь сказалъ, что пусть она умираетъ, если кого укуситъ. У кавказскихъ татаръ это темное преданіе передается уже въ такой формѣ: змѣя и пчела обратились къ одному пророку съ вопросомъ, какая участь ожидаетъ ихъ? Пророкъ отвѣтилъ, что у змѣи всегда бу-

детъ головная боль, но что за это ужаленный змѣей будетъ умирать, а сама змѣя останется живой; пчела, наоборотъ, не будетъ имѣть головной боли, но она должна умереть, ужаливъ кого-нибудь (Сборникъ матер. для опис. Кавказа, IX, 108). Въ этомъ преданіи змѣя уже соединена съ пчелой. Миѣ кажется, что эти темныя преданія о пчелѣ представляютъ остатокъ древняго космогоническаго мѣта, быть можетъ, того, который сохранился въ слѣдующихъ восточныхъ сказкахъ:

Въ монгольской сказкѣ царь-птица Хан-гаруди послала двухъ птицъ, ремеза и ласточку, и пчелу на землю отвѣдать, чье мясо вкуснѣе; когда онѣ возвращались, ихъ встрѣтилъ бурханъ и спросилъ, чье же мясо вкуснѣе; онѣ сказали, что человѣческое. Бурханъ, чтобы спасти человѣка, уговорилъ ихъ не сказывать птицѣ Хан-гаруди; птицы согласились, но, не понадевшись на пчелу, вырѣзали у нея языкъ. Онѣ прилетѣли первыя и сказали Хан-гаруди, что самое вкусное мясо у змѣи, какъ посовѣтовалъ имъ сказать бурханъ. Пчела прилетѣла потомъ, но на спросъ Гаруди могла только издать непонятное бунчанье (*Потанинъ*, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, 159). Въ монгольскомъ вариантѣ роль пчелы играетъ оса. По монгольскому повѣрью, оса произошла отъ чорта (шулмуса). Ханъ шулмусовъ послалъ осу (дзюгу) узнать, чье мясо вкуснѣе. Оса кусала разныхъ животныхъ и пробовала кровь; наконецъ нашла, что самая вкусная кровь человѣка, и съ такой вѣстью полетѣла къ хану. Ласточка встрѣтила ее, разспросила и, чтобы избавить человѣка отъ грозившей ему опасности, откусила языкъ у осы, такъ что оса не могла ничего сказать хану, и только шипѣла (*ib.* IV 183).

Въ легендѣ сартовъ о праведномъ Ноѣ роль осы играетъ комаръ. Въ этой замѣчательной легендѣ соединено нѣсколько сказочныхъ мотивовъ:

Когда всемогущимъ Богомъ опредѣлено было пророку Ною, да будетъ надъ нимъ благословіе, странствовать въ ковчегѣ по водамъ, покрывавшимъ всю землю, шайтанъ (діаволь), превратившись въ мышъ, всячески старался вредить людямъ и звѣрямъ, бывшимъ въ ковчегѣ. Онъ уничтожалъ запасы, портилъ имущество и наконецъ задумалъ погубить весь ковчегъ, потопивъ его въ водахъ вселенскаго моря. Для этого, забравшись какъ можно ниже, на самое дно ковчега, онъ прогрызъ дыру въ днищѣ ковчега. Вода хлынула, и ковчегъ началъ быстро наполняться. Змѣя, бывшая тутъ-же, заткнула дыру хвостомъ и стала громко звать на помощь. Первою прибѣжала на крикъ кошка, которая, узнавъ въ чемъ дѣло, не ожидая прихода пророка Ноя, да будетъ надъ нимъ благословіе, съѣла мышъ*). Виновики были уничтожены, а по-

*) Сравн. выше, на стр. 71—72 подобныя малорусскія легенды изъ Купянскаго уѣз. Харьк. г. *Ред.*

тому наказывать было некого, оставалось вознаграждать заслугу змѣи. „Озябла я“, сказала змѣя.—Потерпи, сказалъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ благословеніе,—когда остановимся на землѣ, проси у меня для пищи самой сладкой крови, и я дозволю тебѣ питаться ею. „Пошли комара узнать, которая кровь самая сладкая, такъ какъ мнѣ нельзя отлучиться“. Долго леталъ комаръ, ковчегъ уже остановился; испробовавъ кровь всѣхъ звѣрей, гадовъ и птицъ, комаръ попробовалъ и крови человѣка. Тотчасъ же полетѣлъ онъ назадъ и громко сталъ кричать, что самая сладкая кровь у человѣка. „Сладость ея и теперь еще я чувствую на языкѣ“, сказалъ онъ ласточкѣ, летѣвшей ему навстрѣчу, показывая ей языкъ. Услышавъ это, ласточка больно ущипнула его за языкъ, и онъ уже не могъ говорить, а только пищаль, ласточка досказала за него, что самая сладкая кровь имъ найдена у лягушки.—Аминь, Аллах-акбаръ!“ воскликнулъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ благословеніе. Съ тѣхъ поръ опредѣлено змѣѣ питаться лягушками, а ласточку за свое спасеніе человѣкъ бережетъ въ своемъ домѣ вмѣстѣ съ ея гнѣздомъ и итепцами. Змѣя хотѣла съѣсть ласточку за ея продѣлку, схватила уже за хвостъ, но ляйлякъ (ангстъ) отнялъ ее у змѣи, которая успѣла только выкусить у нея кончикъ хвоста. До сихъ поръ можно видѣть у каждой ласточки выкросенный зубами змѣи хвостъ. Кошка хотъ и сдѣлалась домашнимъ животнымъ человѣка, но и теперь сохраняетъ всѣ лукавства проглоченнаго ею діавола. Ляйлякъ—священная птица, это и ребенокъ знаетъ. Змѣя до сихъ поръ не можетъ согрѣться кровью лягушки; велика заслуга ея передъ праведнымъ Ноемъ, да будетъ надъ нимъ благословеніе, но видно грѣхъ ея передъ Адамомъ еще сильнѣе. (Н. У., въ „Украинѣ“ 1891, № 18).

Къ этому сказанію близко подходитъ слѣдующее, записанное въ 1883 г. на о. Лесбосѣ у береговъ Малой Азіи со словъ молодого черкеса. Мудрый царь Соломонъ, сыпь Давида, понималъ языкъ всѣхъ птицъ и растений и назначилъ всѣмъ животнымъ пищу. Змѣѣ онъ назначилъ для питанія кровь человѣка. Люди стали жаловаться, что вскорѣ погибнетъ весь родъ ихъ. Соломонъ собралъ всѣхъ звѣрей и, выслушавъ жалобу человѣка, послалъ комара разыскать для змѣи животное съ самой сладкой кровью. Черезъ годъ новое собраніе звѣрей. Комаръ встрѣтилъ на дорогѣ ласточку и сказалъ ей, что онъ считаетъ самой сладкой кровью человѣческую. Ласточка вырвала у него языкъ и на вопросъ Соломона комаръ могъ только пищать кс... ксс... Ласточка сказала, что комаръ онѣмѣлъ, но что на пути онъ сказалъ, что самая сладкая кровь у лягушки, и лягушка была отдана въ пищу змѣѣ. Недовольная такой переизмѣной пищи, змѣя бросилась на ласточку; но послѣдняя увернулась, и змѣѣ удалось

вырвать у ней только середину хвоста. Оттого ласточку любятъ люди и не разоряютъ ея гнѣзда (*Carnoy et Nicolaides, Trad. pop. de l'Asie Mineure, 227—231*).

Вѣроятно съ монгольскаго Востока проникла къ вотякамъ Сосновскаго края слѣдующая сказка о ласточкѣ и комарѣ. Нѣкогда на землѣ жилъ страшный змѣй, который питался кровью животныхъ. Змѣй послалъ комара пробовать у животныхъ кровь; языкъ у комара въ то время былъ длиннѣе, чѣмъ нынѣ. Комаръ, постраствовавши по свѣту, сообщилъ змѣю, что самая сладкая кровь у лошади. Змѣй посылаетъ его въ поиски вторично. Черезъ нѣсколько времени прилетаетъ комаръ и говоритъ, что человѣческая кровь слаще крови всѣхъ животныхъ на землѣ. Не успѣлъ комаръ окончить рѣчи, какъ къ нему подлетѣла ласточка и оторвала у него языкъ, чтобъ онъ не говорилъ на человѣка. Комаръ полетѣлъ и запищалъ; змѣй разсердился на ласточку и схватилъ ее за хвостъ; ласточка вырвалась изъ рукъ змѣя и оставила въ рукахъ его середину хвоста. И остался у ласточки хвостъ навсегда въ такомъ видѣ, въ какомъ нынѣ есть. Ласточка у вотяковъ пользуется большимъ уваженіемъ, какъ приносящая съ собою счастье; поэтому подъ крышами куалы вотяки устраиваютъ гнѣзда изъ берестяныхъ ящичковъ для ласточекъ и не убиваютъ ихъ подъ страхомъ несчастья (*Верещанинъ, Вотяки Соснов. края, 72*).

Своеобразныя черты имѣетъ румынская космогоническая сказка о пчелѣ. Пчела была посломъ Бога и была вся бѣлая. Однажды Богъ колебался, сколько солнцъ создать, одно или нѣсколько, и послалъ ичелу къ сатанѣ спросить его мнѣніе. Пчела сѣла на голову сатаны и узнала, что сатана думалъ; а думалъ онъ, что при многихъ солнцахъ жаръ на землѣ будетъ сильнѣе адскаго жара и ночи не можетъ быть. Пчела полетѣла къ Богу, а сатана, замѣтивъ, что она вывѣдала его тайную мысль, ударилъ ее кнутомъ, отчего и получился тонкій разрѣзъ на туловищѣ пчелы и вмѣсто чистаго бѣлаго цвѣта она приобрѣла желтоватый и мѣстами черный цвѣтъ (*Schott, Walachische Märcchen, 283*).

Не находя въ сочиненіяхъ Глѣка и Ролянда космогоническихъ германскыхъ или западно-романскихъ сказаній о пчелѣ, я склоненъ думать, что сказаніе объ участіи пчелы въ міросозданіи удержалось только въ монгольскихъ сказкахъ и въ краткомъ видѣ въ сказкахъ славянъ, грековъ и румынъ, у послѣднихъ, какъ слабые отзвуки монгольскихъ космогоническихъ преданій. Присутствіе въ сартовской сказкѣ христіанскихъ апокрифическихъ сказаній о Ноѣ и потопѣ говоритъ, съ одной стороны, въ пользу древности сказанія о змѣѣ и пчелѣ (комарѣ), съ другой—въ пользу предположенія о возможности литературныхъ вліяній, можетъ быть, несторіанскихъ, нѣкогда довольно сильныхъ въ центральной Азіи (см. мою ст. „Отголоски христ. преданій въ монгольскихъ

сказкахъ“ въ VI кн. „Этногр. Обзор.“). Апокрифическія паслосенія легли на древнюю почву космогического сказанія. Какъ распространено было это сказаніе—трудно сказать. Припоминаю, что весьма сходное сказаніе я встрѣтилъ въ числѣ африканскихъ въ соч. *Ревилля* „Histoire des religions des peuples non-civilisés“; такъ какъ ссылка потеряна, то я упоминаю здѣсь о немъ лишь мимоходомъ.

Вниманія заслуживаетъ священное значеніе пчелъ. Пчелы, какъ производительницы воска, восхваляются уже въ древнѣйшихъ физиологахъ. Такъ, въ армянскомъ физиологѣ, составленномъ, какъ полагаютъ, въ IV или V вѣкѣ по греческой рукописи, говорится о пчелѣ: „она никогда не отдыхаетъ; если ты думаешь, что она спитъ, ошибаешься; она тихо обдумываетъ, какъ устроить ячейки въ ульѣ, а устроивъ, работаетъ день и ночь, чтобы наполнить эти ячейки благовоиннымъ сокомъ разныхъ растеній. Она знаетъ, что работаетъ не только для себя одной, но что будетъ польза и всему роду человѣческому. Кромѣ того, не бездѣлица и то, что она разливаетъ свѣтъ въ міръ (дѣлая воскъ)... Что касается насъ, то мы, одаренные смысломъ, должны подражать пчелѣ“... (*Мочульскій*, Происх. физиолога, 61).

Русскія народныя сказанія относятся къ пчелѣ съ большимъ уваженіемъ. По однимъ сказаніямъ свв. Зосима и Савватій вынесли пчелъ изъ горы, по другимъ—изъ какой-то идольской страны, по третьимъ—даже изъ рая. Когда пчела просила Бога, чтобы укушеніе ея было смертельно для людей, то Богъ сказалъ: „какъ укусишь—умирай сама; ты, пчелка, будешь подобна свѣчѣ и канону“ (*П. И.*, въ Харьк. Сборн. 1888, 97). Съ этимъ сказаніемъ сходны сказанія болгарскія и черкесскія о пребываніи пчелы въ раю (*Melusine*, 1888, 221)¹⁾. Обычный малорусскій эпитетъ пчелы „святая“ можетъ происходить или отъ употребленія воска на церковныя свѣчи или отъ сказанія, что она или предки ея жили въ раю. У чеховъ существуетъ другое объясненіе святости пчелъ: пчелы прилетали къ распятому Христу и пили выстунившій на его лицѣ потъ. Нѣмцы, вѣроятно на основаніи подобной легенды, даютъ пчелѣ названія божья птица, *Herrgottsvögel* *Marieövögel* (*Аванасьевъ*, Поэтич. возвр. III, 785).

Въ одной южно-славянской легендѣ Спаситель во время страствованія по землѣ былъ раненъ скупой женщиной. Изъ его раны вышло нѣчто въ родѣ мухи. „Посмотри, Петръ,—сказалъ Иисусъ,—это маленькое существо—пчела. Она всегда будетъ готовить воскъ, безъ котораго не обойдется ни одно церковное служеніе“. Подобный рассказъ встрѣчается среди кельтическаго

¹⁾ Осетины дигорцы почитаютъ пчелъ и молятся ихъ покровителю Аниголу (ангелу?) (*Вс. Миллеръ*, Осет. этюды, I, 97).

населенія Валлиса. Въ книгѣ Дульль-Гвентъ (сводѣ законовъ) говорится о божественномъ происхожденіи пчелы. Дворянское сословіе (Adel) пчель вышло изъ рая послѣ грѣхопаденія первыхъ людей. Богъ благословилъ пчель, и потому пи она обѣдня не можетъ быть безъ восковыхъ свѣчей (*Landau*, въ *Zeitschr. f. vergleich. Litteraturgeschichte*, 1889, 245).

Немногочисленные и короткія русскія сказанія о пчелахъ покоятся всецѣло на религіозныхъ христіанскихъ легендахъ. Замѣчанія Де-Губернатиса о мнѣическомъ значеніи пчелы, какъ символа солнца, луны, души, если только замѣчанія эти вѣрны, отпослется къ повѣрьямъ индійскимъ и греческимъ (*De Gubern.*, *Die Thiere*, 506—511). Замѣчанія *Аванасьева* (I, 385) и *Потебни* (Колядки, 226) о мнѣическомъ значеніи меда и пчель имѣють самостоятельное значеніе для объясненія нѣкоторыхъ древнѣйшихъ представленій аrio-европейскихъ народовъ, не касаясь современныхъ русскихъ народныхъ повѣрій о пчелахъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.